

ПРЕДИСЛОВИЕ

На протяжении многих лет люди, которые меня не знают, говорят вместо меня. Я давал интервью, и из них получилась дюжина моих портретов, но ни в одном из них я себя ни разу не узнал. Словно каждый хотел бы вылепить меня на свой манер, представить иллюстрацией собственной мечты или собственной неудачи.

Все мы, без исключений, обладаем способностью творить, однако мало кому из нас хватает смелости ею воспользоваться. Творить — это значит предьявить себя, открыться, выставить напоказ, стать уязвимым. Красиво, но страшно. Совсем как любовь. И тот, кто на это осмеливается, зовется художником.

Его любят за то, что он отдает, и ненавидят за то, что у него хватило на это мужества. Когда оскорбляют художника, тем самым самоутверждаются. Ему пеняют на все те правила, которых он не соблюдает. На самом деле люди попрекают его из сожаления, что сами на это не осмелились.

И все же художник выставляет себя напоказ, во всех смыслах этого слова, для того чтобы мы смогли узнавать себя и расти. В каждом из нас есть частица его и наоборот. Так зачем ненавидеть то, что он открыл нам в нас самих? Когда футбольная сборная Франции стала чемпионом мира, все французы в каком-то смысле стали чемпионами мира. В искусстве все обстоит так же. Все мы немного Пикассо, Кубрик и Моцарт — при условии, что умеем их любить.

Сегодня я расскажу вам историю. Мою собственную. Доверительно. Не рассудочно. Безыскусно. Голосом ребенка. С образом мыслей ребенка. Просто грубую правду, такую, какой я ее проживал, пока время не придало ей в моих глазах особую значимость.

Надеюсь, моя история пойдет вам на пользу.

— 1 —

2 апреля 1974

Умер Помпиду.

Я купил «Эктахром 250»¹.

Несколько лет назад, перечитав эту запись в моем дневнике, я вначале засмеялся.

Но потом мне стало не по себе. Я был в замешательстве.

Что происходило в голове этого мальчишки, который ставил на одну доску смерть президента Республики и покупку пленки?

С ним было что-то чертовски не так.

1959

Год моего рождения. Конечно, я этого совсем не помню, но мы можем воспользоваться воспоминаниями тех, кто был тому свидетелем.

Это, прежде всего, мой отец Клод. Я начинаю не с самого главного, но с самого корпулентного. Он родился в Нормандии и оказался на побережье в день высадки союзных войск в июне 1944-го.

Немцы сбрасывали бомбы, от которых загорелся дом моего отца.

Все выжившие сгрудились вокруг семилетнего Клода и поспешно оставили дом, чтобы не погибнуть в пламени пожара.

Но немецкие самолеты бомбили безостановочно, и одна из бомб настигла его семью. Погибли все, кроме Клода. Он задыхался под тяжестью защитивших его мертвых тел. С невероятным усилием оттолкнул обезглавленное тело матери, чтобы выбраться из семейной могилы. И увидел откатившуюся голову. Его мать звали Роз.

Семья была уничтожена. Из всех близких Клода в живых остался только его отец, содержащийся в лагере для военнопленных где-то в Германии.

Несколько дней мой отец слонялся по развалинам, пока его не ранило в ногу осколком снаряда. Тогда-то Клода подобрали американцы. Он оказался в полевом госпитале, где сдружился с мальчишкой, у которого была ампутирована нога.

Дальше начались проблемы, поскольку необходимо было найти родственника, который взял бы на себя заботу о ребенке, но в такой неразберихе установить связь с его родственниками не представлялось возможным. Из оставшихся в живых членов семьи мальчик помнил лишь несколько имен и название деревни: Сель-Сен-Дени. Властям потребовалось несколько месяцев, чтобы решить наконец этот вопрос, и маленького Клода отправили к его двоюродным братьям. Проблема заключалась в том, что в деревне жили два двоюродных брата, дяди Клода, которые совсем не общались между собой из-за давних семейных дразг.

Один из братьев жил со своей семьей в верхней части деревни, другой — в нижней. Моего отца приняла семья второго брата, что сильно раздражало семью первого: не то чтобы они чувствовали себя обделенными нежностью этого почти осиротевшего ребенка — они выходили из себя при мысли, что именно официальный опекун будет распоряжаться наследством погибших родичей. В тот период мой отец был единственным законным наследником. Соответственно, его опекуну предстояло управлять имуществом, которое состояло из нескольких старых домов и нескольких пастбищных угодий.

Однажды отец стал свидетелем того, как семейство верхнего брата высадилось на территории нижнего. Они были вооружены палками и железными прутьями. Отец спрятался под столом и присутствовал при драке — всеобщей и семейной. Когда носы были сломаны, а мебель разнесена в щепу, верхние забрали моего отца. Победители тут же отвели его в мэрию, чтобы он поставил красивый крестик под документом, который ему подсунули. Понятно, что отец документа не читал, и, старательно выведя под ним крестик, он таким образом распрощался со всем имуществом своей семьи.

После чего новый опекун поспешил завершить его воспитание, внушив мальчику правило, единственное и абсолютное: он должен был «заткнуть пасть». Проходили месяцы, пустые и смутные, как густой туман. Клод не знал, жив ли его отец Поль. Он также не знал, что его родители перед войной развелись и Поль успел жениться на некоей Маргарите. На самом деле Поль не умер, он сидел в тюрьме.

В 1930-е годы Поль служил во французской армии. Армейский порядок и армейский дух были его костылями. Без них он не мог держаться на ногах. Когда ему было семнадцать, летом Поль отдыхал с родителями на побережье в одном старинном дворце.

Однажды вечером, когда он возвращался с пляжа, швейцар протянул ему письмо, предназначенное для родителей. Юноша удивился, поскольку никто не знал, что они остановились именно в этом месте. Швейцар очень скоро понял свою ошибку: в отеле отдыхало еще одно семейство Бессонов.

Обрадовавшись тому, что, быть может, сию минуту встретит дальних родичей, Поль попросил разрешения самому отнести корреспонденцию в номер «других» Бессонов. Швейцар счел это забавным, и дед помчался по этажам в поисках указанной комнаты. Он постучал. Ему открыла шестнадцатилетняя Роз, прекрасная как божий день. Дед тут же влюбился. И несколько лет спустя мсье Поль Бессон женился на мадемуазель Роз Бессон.

Но вернемся на войну. Поль служил во французской армии, где ему было смертельно скучно: слишком немошной, слишком расхлябанной она ему представлялась. Не армия, а кучка засранцев. Он вышел в отставку и записался в немецкую армию, которую счел намного лучше организованной и которая, в его понимании, отстаивала важнейшие ценности. Более прямолинейных, чем он, свет не носит. Он стал свидетелем подъема нацизма и стремительного возвышения Гитлера, что ему совсем не понравилось. Дед был до крайности правым, но нацизм не вписывался в свод его правил, в систему его ценностей. И тогда он вышел в отставку из немецкой армии и вновь поступил на службу в армию французскую, чтобы сражаться с нацизмом.

Он дослужился до офицерского звания, однако большую часть военного времени провел в плену. С его-то характером это наверняка было побегом от действительности. Но война окончилась. Миллионы людей погибли. Целые регионы были разорены. Многие семьи пострадали. После освобождения во Франции появилось новое правительство, и это сводило с ума моего деда.

— Мы сражались не для того, чтобы шайка подонков вернула себе власть! — брюзжал он.

Тогда Поль решил присоединиться к группе анархистов, которая именовалась «Балаклава». Он и его товарищи планировали серию покушений «на этих новых политиков, оппортунистов». Понятно, что деда арестовали до того, как он что-либо взорвал, и приговорили к пожизненному заключению.

Так случилось, что дед из тюрьмы послал весточку сыну. Каким-то загадочным образом ему удалось узнать, что сынок проживает в Сель-Сен-Дени, и он отправил туда трех недавно вышедших на волю дружков, чтобы забрать своего отпрыска у заботливых кузенов. Клоду было девять лет, когда ему довелось увидеть, как, проехавшись по деревне, три злодея вышли из позаимствованного по случаю «Кадилака» возле дома дяди Одиара. Волхвы сделали дяде-благодетелю предложение, от которого нельзя отказаться.

После чего маленький Клод быстро собрал чемодан и отправился со своими ангелами-хранителями в Париж, а те доставили его к Маргарите, мачехе, о которой он никогда не слышал. Все-таки лучше, когда со своей новой женой вас знакомит ваш отец, но Поль содержался в Санте², и Маргарите пришлось это сделать самой.

— Я твоя мачеха, — сказала мальчику Маргарита.

— Здравствуйте, мадам, — ответил ей мой отец.

Лед был взломан взрывом динамита.

Маргарита была сильной женщиной, такой же прямой, как ее муж. Она переносила свое вынужденное одиночество с редкими мужеством и достоинством. Муж попросил ее позаботиться о его сыне — она сделает это без колебаний, и ребенок ни в чем не будет знать нужды. За исключением главного: она не сможет одарить его любовью, той эмоциональной

основой, на которую имеет право каждый ребенок и которая делает возможным его развитие. Но «это все из-за войны», как говорили в ту эпоху. Война — главный виновник наших несчастий, она постоянно переиначивает все наши чаяния. Жить и питаться — вот главное. Остальное — лишнее, остальное — роскошь. Пять лет в центре Парижа мой отец прожил в эмоциональной пустыне.

Маргарита строго воспитывала моего отца, да и сам Поль отказывался от свиданий с сыном, если тот приносил из школы плохие отметки. Субботние свидания в тюрьме Санте отнюдь не были излюбленным времяпрепровождением Клода, и очень скоро он нахватал плохих оценок, чтобы их избежать.

Эмоциональная неразвитость усугублялась, но в двенадцать лет он встретил своего спасителя. Джеки было тринадцать, он был из скромной семьи. Его семью тоже зацепила война, но он, как говорится, хоть и ходил по краю, не сбился с пути. Джеки на всю жизнь стал лучшим другом Клода. Именно благодаря Джеки немного позднее он познакомился с местом, где жизнь была ключом, — с кварталом Сен-Жермен-де-Пре. В послевоенное время у молодежи проявилось стремление к свободе и празднику, и джаз стал той новой кровью, что отныне текла в их жилах. Когда отцу исполнилось восемнадцать, он жил уже на полную катушку и мог наконец высвободить свою слишком долго подавляемую энергию. Это был взрыв мозга — и тела тоже.

Он позабыл об учебе, отце, Маргарите и их прямолинейности, которая не оказала на него никакого влияния. Он бежал от горя и одиночества в би-боп³ и бессонные ночи. Он хватал жизнь жадными руками и жадным ртом, словно боялся, что она снова его бросит. Мимоходом он подхватил и мою мать. Они уже встречались за несколько лет до этого в Сель-Сен-Дени.

Тогда моей матери было семь. Она запомнила этого мальчишку, робкого и замкнутого, похожего на испуганного молодого пса, которого опекуны постоянно держали на привязи.

Десять лет спустя Даниель, моя мать, впервые в жизни ощутила порхание бабочек в животе. Она происходила из семейства Бельзик. Более бретонскую трудно себе представить. Ее бабушка содержала притон в Сайгоне. Мать, Ивонна, была алкоголичкой, а отец, Морис, угодил в тюрьму за то, что был женат сразу на нескольких женщинах, не проявив деликатности уведомить их об этом. Моя мать выросла на побережье Бретани у своей тети. Тетя Бельзик была ростом всего полтора метра. От нее пахло воском, и она была глуха как пробка. Во всем остальном это было огромное сердце и две руки, чтобы ему служить. Моя мать обязана ей всем, по крайней мере, всем тем немногим, чем она располагала.

Мать провела свое детство с закрытыми глазами и замкнутыми руками слух. Для нее это был единственный способ расти без особых страданий. Но война и семейство позаботились о том, чтобы не дать ей вырасти. Поскольку ей приходилось опираться лишь на саму себя, у нее развился сколиоз, а вместо того чтобы отвести ее к врачу, девочку отправили к монахиням. В монастыре она провела все свое отрочество, и рост ее завершился на отметке 1 м 60 см.

Освободившись от войны, своего семейства и монашек, она очутилась в Париже и встретила с моим отцом, который стал ее первой детской любовью. Ему было двадцать, ей едва исполнилось шестнадцать. Отец как раз начал заниматься культуризмом. Он был красив, мускулист и танцевал как бог. Это был уже не маленький мальчик, робкий и запуганный. Это был Король Сен-Жермена. Во всяком случае, именно таким его увидела моя мать. В ту эпоху она не имела никакого пред-

ставления о самой себе. Она ничего не знала ни о своем разуме, ни о своем теле. Только чуть-чуть — о сердце, которое так сильно билось в первый раз.

Мой отец соблазнил ее, отомстив своему прошлому, прошлому никому не нужного мальчишки. Мать помнит, что у нее и в мыслях не было сопротивляться, когда Король вторгся в ее королевство. Через несколько месяцев она забеременела. Мой отец был влюблен, а значит, история должна была иметь счастливый конец. Правда, существовала одна проблема: отец влюблялся каждые пять минут. Отсутствие в начале жизни любви и привязанности стало бездонным колодезем, куда падали все девушки, которых он встречал. Моя мать тоже была влюблена. Возможно, слишком сильно. В ее воображении он был само совершенство. Надо сказать, что монахини целых пять лет внушали ей, что истинной является только любовь к Богу, а она за каких-то пять минут заменила Бога на моего отца.

Новость о моем скором появлении на свет вызвала разную реакцию, в зависимости от родства. Со стороны моей матери все было просто: ее отец Морис, только что вышедший из тюрьмы, предложил им пожениться. Надо заметить, что в известном смысле он был в этом деле докой. Ивонна, ее мать, со всем соглашалась, лишь бы ей поднесли красненького, чтобы она могла тут же забыть, о чем с ней только что говорили. Со стороны родичей моего отца новость о беременности была воспринята с великим неудовольствием. По странному стечению обстоятельств мой второй дед тоже как раз вышел из тюрьмы: у него обнаружили обширную раковую опухоль. Поэтому его освободили, при этом выразив нелепую надежду, что он отправится умирать куда-нибудь подальше. Однако гордость обязывает: Поль и Маргарита потребовали от моего отца, чтобы он женился.

Свадьбу готовили на скорую руку. Церемония проходила в мэрии Нейи. Несколько друзей из Сен-Жермена, покинувших ненадолго ночное заведение, завсегдатаями которого они были, немногие члены семейства — и Джеки в качестве свидетеля. Молодые сделали вид, что выслушали речь об обете верности, после чего обменялись кольцами и поцеловались.

Об этой свадьбе не осталось никаких воспоминаний. Надо сказать, что в то же самое утро мой отец заставил маму сопровождать его к своей подруге, чтобы вернуть ей косметичку, которую она держала у него дома, а в тот же вечер Морис, мой дед по материнской линии, настоял на том, чтобы молодые не засиживались дома, по-королевски пригласив их ... в бордель. И все же эти дети любили друг друга. Просто у них не было никаких устоев, ориентиров и представлений. Их сердца были разорваны в клочья, а в голове стояло сладкое марево. Война не только убила миллионы людей, она разрушила ДНК всех, кто выжил.

В это время я пребывал еще в полной темноте, защищенный теплом околоплодных вод, ничего не зная о враждебном мире, который уже проклял мое появление. Люк Поль Морис родился 18 мая 1959 года в Нейи. Давать новорожденным имена предков — это, кажется, традиция. Я бы обошелся без нее.

Мама рожала одна. Отец был в это время в английском городе Блэкпуле. Он нашел работенку в цирке: подменял человека, получившего травму. Его работа заключалась в том, чтобы прыгать на трамплин, благодаря чему в воздух поднималось трио польских акробатов. Пусть дурацкая, это была работа. В роддоме нам с мамой не было необходимости интересоваться внешним миром, так как нас никто даже не навестил. На следующий день

после моего рождения маме предложили выписаться, поскольку палата была уже зарезервирована для другой роженицы.

Так моя мать позвонила в дверь Поля и Маргариты, моих деда и бабушки. Горничная сказала, что ей придется подождать, поскольку мсье и мадам еще не отообедали. Мама осталась сидеть в прихожей, поставив у ног мою люльку. Она тихонько плакала. Не навзрыд — ведь ей уже пришлось пролить столько слез. Я спал у ее ног, даже не подозревая, что стал символом, живым образом полного фиаско. У каждого уже была веская причина меня ненавидеть, в лучшем случае не любить. Но это было в первый день моей жизни, и все еще могло измениться.

Мать приехала к отцу в Блэкпул, и он поселил нас в маленькой гостинице. Он жил там у своей новой любовницы, которая собирала слоновий помет (со слов моей матери) и была укротительницей хищных зверей (со слов отца). Вскоре моему отцу надоели и его подруга, и польские акробаты, которых он по три раза на дню подбрасывал в воздух. Но от польских акробатов не так-то просто уйти, и отцу угрожала опасность. Мы бежали из Блэкпула ночью, сразу после вечернего представления.

Когда мне было уже несколько месяцев, родители перестали быть для меня смутными тенями. Я смог им наконец улыбнуться. И у меня был ничтожный шанс, что, возможно, когда-нибудь они вернут мне мою улыбку.

1960

Мне исполнился год. У меня, конечно, еще нет об этом времени собственных воспоминаний, только те, которыми родители пожелали позднее со мной поделиться.

Наша семья переехала в Париж, на Севастопольский бульвар, напротив сквера Гэте-Лирик. В то время мама не жила, а выжи-

вала. В 15 лет она бросила школу, в 16 забеременела. Ее знания ограничивались несколькими молитвами, которые она разучила под руководством монахинь, а еще она научилась сносить обиды от своей непутевой матери. В данном случае это минималистское образование хорошо подготовило ее к дальнейшему, поскольку мой отец поколачивал ее, и она проводила время в молитвах о том, чтобы все это наконец закончилось. У матери не было слов, с помощью которых она могла бы вести диалог с моим отцом, да у него никогда не хватило бы терпения ее выслушать.

Юный Клод прожигал свою жизнь на стороне, танцуя, играя, трахаясь, наверстывая все то время, которое у него украли. Он жил так, будто завтра уже не наступит. У моего отца было не больше знаний, чем у матери, но, если они беседовали, последняя оплеуха всегда оставалась за ним. Надо сказать, что, в довершение ко всему, отец открыл тренажерный зал, а его вес приблизился к ста килограммам.

Именно в ту эпоху образовалась банда моего отца: приятели, с которыми он пересекался в джазовых клубах, дружки из тренажерных залов, мясные туши, входившие в клан дуболомов. Вся эта публика собиралась в зале Клода, на улице Энгиен, чтобы тягать железо. Тем временем старый знакомый из цирка попросил моего отца об услуге: ему нужно было отлучиться на несколько месяцев, и он хотел, чтобы отец позаботился о его питомце. Отец согласился.

Предложить в компаньоны восьмимесячному ребенку домашнее животное, чтобы скрасить его одиночество, дело благое; однако животное, о котором идет речь, — это лев, и он весил уже тогда больше, чем моя мать. Поначалу мы жили в апартаментах: отец и мать в спальне, я в своей колыбели, а лев — в его корзине. Отец выходил с ним каждое утро около шести часов в парк, чтобы лев мог справиться свои дела, а мать каждый

день покупала ему три кило мяса. Все шло относительно гладко, хотя перейти на другую сторону Севастопольского бульвара со львом было непросто, даже держа его на поводке. Зато, когда ему случалось прогуливаться в парке, его не беспокоили собаки: все они сидели на деревьях. Единственным существом, которое выказывало недовольство, была консьержка-португалка с чудовищным акцентом:

— Мошьо Бешшонн, шобака жапрещено держать шилища.

— Но это не собака, это лев, — возражал ей мой отец.

Если бы все это происходило сегодня, это было бы сродни приземлившейся летающей тарелке, и это место уже было бы взято в кольцо спецназом и журналистами. Но наша консьержка довольствовалась тем, что заперла свою дверь и заткнула пасть.

Я еще не очень хорошо ходил, но неплохо передвигался на четвереньках, что естественно сблизило меня со львом. Очевидно, я был привлечен его теплом и мягким мехом, и дело кончилось тем, что я регулярно устраивался вздремнуть в его корзине. Лев на самом деле был львицей, и, как у всех животных, материнский инстинкт был развит у нее сильнее, чем у человека, — во всяком случае, чем у моей матери. Животное меня приняло. Мы обычно ищем ласку там, где нас и в самом деле приласкают.

Полагаю, что моя любовь к животным началась именно там, в той корзине. Мне нравятся их инстинкты, то, как просто они смотрят на вещи. Они любят, играют, едят и защищаются только тогда, когда на них нападают. Их зубы и когти всегда представлялись мне гораздо менее опасными, чем наши слова и улыбки.

Когда львица весила уже восемьдесят кило, у консьержки каждое утро случалось предынфарктное состояние. Но настало время, когда львица покинула наше жилище: отец принял мудрое решение поселить ее в тренажерном зале. Отныне львица сводила с ума не консьержку, а почтальона. Впрочем, почтальон

